

Kšicová, Danuše

Русская поэзия в интерпретации Франтишека Таборского : из истории чешско-русских литературных отношений

In: Kšicová, Danuše. *Ruská poezie v interpretaci Františka Táborského : z dějin česko-ruských vztahů*. Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1979, pp. 163-165

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/121600>

Access Date: 05. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФРАНТИШЕКА ТАБОРСКОГО

Из истории чешско-русских литературных отношений

Резюме

Франтишек Таборский (1858—1940), поэт, переводчик и пропагандист русской литературы в Чехии, связан с так называемым „вторым этапом чешского национального Возрождения“. Он принимал участие в литературной группе „Молодая Моравия“, связанной с национальным возрождением на территории Моравии. Интерес Таборского к славянам нашел свое наиболее выразительное проявление в области русской литературы и русского изобразительного искусства. Его увлечение русской культурой усилилось, благодаря двум его поездкам в Россию, особенно во время его почти годичного пребывания в Петербурге в 1908—1910 гг. В это время Таборский принимал активное участие в установлении и развитии чешско-русских культурных взаимоотношений. Таборский был тесно связан с неослави́змом. Однако его нереальность в русской среде он прекрасно осознавал и политические цели движения были ему чужды. С неослави́змом Таборского связывал прежде всего его интерес к практическому осуществлению межславянских связей и личная дружба с основателями этого движения. Первая мировая война и революция прекратили личные контакты Таборского с Россией; однако в течение 20-х—30-х гг. общение с русской эмиграцией в Чехии и за ее пределами давало ему возможность быть в курсе всех интересующих его вопросов. Только во второй половине 30-х гг. Таборский, благодаря своим статьям, посвященным Пушкину, устанавливает отношения с тогда впервые учрежденным в Чехословакии советским посольством.

Все литературное творчество Таборского насыщено „славянской идеей“. На его произведениях сказывается его увлечение Пушкиным и мотивами русского фольклора. Однако для творчества Таборского характерно влияние не только русской литературы. В нем проявляется и целый ряд других заимствований, в частности чешской литературной традиции, что и понятно у автора до известной степени эпигонского.

Как переводчик и теоретик перевода, Таборский стоит на рубеже между „руховцами“, „люмировцами“ и последующими поколениями переводчиков. С „руховцами“ и Сладеком Таборского связывает то, что он, как и они, подчеркивает необходимость соблюдать верность точному смыслу оригинала. Одновременно он, как и Врхлицкий, переводит, соблюдая стихотворный размер оригинала, причем, в отличие от Врхлицкого, им при этом уделяется больше внимания деталям, чем целому. Таборский принадлежал к переводческой школе *девяностых годов*, носящей название „период ревизии“. Он, как и остальные переводчики этого периода, требовал от перевода верного соблюдения содержания и формы оригинала. Однако Врхлицкого, тогда остро критикуемого, он всегда высоко ценил. Стилистическая манера Врхлицкого оставила на переводах и на оригинальном творчестве Таборского свои следы. Последующим поколениям переводчиков Таборский близок своим свободным отно-

шением к рифме, своим требованием естественности, ясности и несложности перевода, а также своим подчеркиванием литературно-исторической ответственности переводчика. Подчеркивание многоплановости функции перевода сближает Таборского с Шальдой и переводчиками 20-х—30-х гг. Однако свою теорию Таборский не всегда применял на практике. Его переводы отмечены целым рядом недостатков, связанных прежде всего со стремлением Таборского сохранить максимальную дословность и верность главным образом форме оригинала. Несмотря на то, что современные критики считали Таборского превосходным переводчиком, мы находим в его переводах ряд русизмов, много рифмовых и ритмических „вставок“, неестественный порядок слов и т. п. Переводы Таборского, таким образом, становятся иногда неясными, или получают отличающийся от оригинала смысл. Это, конечно, только крайние случаи. Переводы Таборского представляют собой довольно разнообразный материал. Это результат не процесса развития, ибо Таборский в сущности оставался в течение всей своей жизни верен тем же самым эстетическим требованиям. Даже при переиздании переводов Таборского они оставались почти неизменными. Различное качество его переводов связано скорее с особенностями его поэтического таланта. Он лучше переводил эпические, чем лирические произведения. Из лирики более удачны были переводы песенных стихотворений, близких устному народному творчеству, или сатира. Поэтому к лучшим работам Таборского принадлежат его переводы эпоса Лермонтова, политической сатиры Пушкина, сказок и детских песен славян. Менее удачны переводы лирики Лермонтова, бывшие первым опытом его переводческой деятельности. Драма Лермонтова „Маскарад“, с которой он впервые познакомил чешского читателя, была, несмотря на свои недостатки, лучше, чем сделанный им перевод „Горя от ума“ Грибоедова, сжатый и выразительный стих которого передать Таборскому не удалось. Переводы поэтов так называемого „чистого искусства“, печатаемые в различных журналах, принадлежат к довольно посредственным работам Таборского. Совершенно неудовлетворительным можно считать его единственный перевод современной поэзии — перевод новаторской поэмы А. Блока „Двенадцать“, который поэтому и остался в рукописи.

Принадлежность Таборского к т. н. „поколению ревизии“ была причиной того, что он вновь обратился (уже после А. Дурди́ка) к переводу избранных стихотворений Лермонтова, и, пополнив их рядом новых переводов, впервые в Чехии, приблизил чешскому читателю Лермонтова в небывалом до того времени объеме. До сих пор не существует столь обширное издание чешских переводов Лермонтова. Литературно-историческая эрудиция была основой замечательной ориентации Таборского в русской литературе. Он действительно сосредоточивался на лучших произведениях, заполняя, таким образом, пробелы в чешских переводах русской литературы. Это, а не довольно посредственный уровень его переводов, стало причиной того, что Таборскому принадлежит почетное место в истории чешского перевода.

Таборский с большим интересом следил, обнаруживая тем самым широкий кругозор, за культурной деятельностью как дореволюционной России, так впоследствии и нового советского государства, информируя читателя о ее наиболее значительных достижениях. С литературно-исторической точки зрения наиболее ценны его работы о Пушкине, о творчестве которого он писал в течение пятидесяти лет. Результатом впоследствии была и его пушкинская монография. Ценны также статьи Таборского, посвященные русской народной словесности, истории русского театра и русской литературе 19 в. Интересны его предисловия к собственным переводам русских поэтов, его послесловия и комментарии, которыми он сопровождал свои переводы. Сравнительное изучение его деятельности, без которого нельзя было обойтись (с учетом недостаточно разработанного изучения чешско-русских взаимосвязей), убеждает нас в том, что Таборский сделал многое для ознакомления чешской публики с русской культурой.

Довольно сложно историческо-типологическое определение деятельности Табор-

ского. Преимущественно просветительским характером своего творчества он в сущности еще продолжает тенденции чешского Возрождения. В Пражском университете Таборский познакомился с *филологическим* методом, тогда как в своих литературно-исторических работах наряду с этим он применял и *биографический* метод. Ближе всего он был *позитивизму*, с передовыми представителями которого, И. Поливкой, Я. Влчком, он тесно сотрудничал. Для творческого метода Таборского характерен прежде всего его интерес к изучению литературно-исторических материалов, которые он также постоянно популяризировал. Большинство его работ поэтому несет историографический отпечаток. Трезвостью своих эстетических суждений и интересом к политически мотивированной поэзии и своим иногда социологическим восприятием литературы Таборский был родственен *реалистам*. Однако своей интуицией в оценке эстетических качеств художественной литературы, позволявшей ему точно определять подлинные художественные качества, Таборский одновременно близок молодому поколению чешских литературных критиков и историков литературы, вышедшему из *эстопсихологии* Э н е к е н а. Это были прежде всего Ш а л ь д а и А. Н о в а к. Они были его близкими друзьями, с которыми он сотрудничал в течение ряда лет. Из сказанного выше вытекает, что Таборский, как творческая личность, стоял на рубеже двух эпох, с чем и связан его эклектизм.

Переводы Таборского необходимо было изучать как с генетической, так и стилистико-типологической точки зрения. В свое время они выполняли функцию внутренних контактов, так как они представляли собой удачно выбранную часть русского поэтического творчества и тем самым стали посредником ее проникновения в чешскую литературную среду. При изучении публицистики Таборского необходимо было применять точку зрения внешних генетических отношений, позволяющих определить место Таборского в истории чешско-русских литературных взаимоотношений. Меньше внимания уделялось анализу внутренних генетических отношений, т. е. непосредственному воздействию русской литературы на развитие чешской литературы. Эта проблематика изучалась в связи с характером работы только при анализе поэтического наследия самого Таборского.

В своей переводческой практике Таборский преследовал цель отстаивать информационную точку зрения, так как он опирался на исходную литературу, а не на литературу воспринимающую. Это вытекает как из его стремления дополнить наши знания о русской литературе, так из его переводческого стиля. Таборский всегда стремился приблизить чешскому читателю русскую литературу, подчеркивая этническую специфику и особенно стилистические приемы изображаемой среды. И этим самым его переводы исторически определены. В последующем развитии чешского перевода стала преобладать тенденция к инновации воспринимающей литературы, основанная на требованиях самой чешской литературы и чешского поэтического языка.

